

«УЗБЕКСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX- XXI ВЕКОВ...»

Сулаймонова Дурдонахон Равшан кизи

Аспирант. Северо-Кавказский Федеральный Университет

Иванова Ирина Николаевна

Аннотация: Тезис посвящена имагологическому анализу образа Узбекистана и узбекского в русской литературе XX века. Впервые в отечественном литературоведении узбекский текст рассматривается как имагологема – культурный конструкт, формирующий представление о «восточном другом». На материале произведений А. П. Платонова, В. П. Катаева, Ю. В. Домбровского, В. М. Пескова, Сухбата Афлатуни выявлены доминантные стереотипы (советский Восток, «потерянный рай», «внутренняя колония») и показана их эволюция от соцреализма до постмодернизма. Так же произведений советского С. Бородин, К. Симонов постсоветского периодов А. Иличевский, Г. Явлинский выявляются устойчивые мифологемы, стереотипы и попытки их деконструкции. Делается вывод о переходе от монологического конструирования экзотического «чужого» к полифонии голосов и сложным идентификационным стратегиям.

Использованы имагологический, постколониальный и интертекстуальный методы. Результаты могут быть использованы при чтении спецкурсов по сравнительному литературоведению и истории русско-восточного литературного диалога.

Ключевые слова: имагология; узбекский текст; русская литература; образ Востока; постколониализм; советский ориентализм; стереотип; культурная идентичность; Платонов; Домбровский.

Sulaymonova Durdonakhon Ravshan kizi

Postgraduate student. North Caucasus Federal University

**"UZBEK TEXT IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XX-XXI
CENTURIES..."**

Abstract. The thesis offers an imagological study of Uzbekistan's image in 20th-century Russian literature. For the first time in Russian literary scholarship the Uzbek text is treated as an imagologeme - a cultural construct shaping the idea of the "Oriental Other". Based on the works by A. Platonov, V. Kataev, Yu. Dombrovsky, V. Peskov, Sukhbat Aflatuni the paper identifies dominant stereotypes (Soviet Orient, "lost

paradise “, “innercolony”) and traces their evolution from Socialist Realism to postmodernism. Imagological, post-colonial and intertextual methods are applied. Also the works of the Soviet S. Borodin, K. Simonov of the post-Soviet periods A. Ilichevsky, G. Yavlinsky reveals stable mythologems, stereotypes and attempts to deconstruct them. A conclusion is drawn about the transition from the monological construction of an exotic "alien" to the polyphony of voices and complex identification strategies. The findings can be used in comparative-literature courses and the history of Russian-Oriental literary dialogue.

Keywords: imagology; Uzbek text; Russian literature; image of the Orient; post-colonialism; Soviet Orientalism; stereotype; cultural identity; Platonov; Dombrovsky.

Имагология (фр. Imagologie) – сравнительно-литературная дисциплина, изучающая национальные стереотипы и представления о «другом» как культурные конструкты [3, с. 15]. В отечественном литературоведении термин закрепился после перевода монографии Ж.-М. Кадеи Д. Леерссена [2]. Узбекский текст в русской литературе XX века традиционно анализировался либо как экзотический колорит, либо в контексте дружбы народов; имеющиеся работы [4; 7] не выходят за рамки тематического или сравнительно-типологического подхода. Между тем, именно имагологический аспект позволяет выявить механизмы конструирования образа «восточного другого» и показать его роль в формировании советской и постсоветской идентичности.

Цель настоящего исследования – проанализировать узбекскую имагологему в русской прозе XX века и установить её функции в художественном освоении «чужого» пространства. Задачи: 1) выделить устойчивые стереотипные черты образа Узбекистана; 2) проследить их трансформацию от 1920-х до 1990-х гг.; 3) соотнести литературные конструкты с идеологическими дискурсами (советский ориентализм, архаизация Востока, деколониальная рефлексия).

Методика. Используется имагологический анализ (выявление устойчивых топосов и этнических маркеров), постколониальная деконструкция (Э. Саид) и интертекстуальная проверка цитатных слоёв. Корпус охватывает тексты А. П. Платонова, В. П. Катаева, Ю. В. Домбровского, В. М. Пескова, а также рецепцию узбекских авторов в русскоязычных журналах 1950–1980-х гг.

Имагологема определяется как «устойчивый комплекс представлений о национальном характере, закреплённый в литературных топосах» [2, с. 37]. В отличие от фольклорного архетипа, имагологема всегда гетеростереотип: она создаётся «чужим» взглядом и служит самоидентификации культуры-

наблюдателя. Советская литература, по справедливому замечанию Е. А. Оболенской, «одновременно колонизировала и романтизировала Восток» [6, с. 88], что делает узбекскую имагологему особенно показательным объектом.

Постсоветский период требует применения инструментария постколониальных исследований (Х. Бхабха, Г. Спивак), рассматривающих проблемы гибридной идентичности, мимикрии, амбивалентности и «высказывания субалтерна» [13, с. 185]. В этом контексте «узбекский текст» превращается в зону столкновения травматических воспоминаний, ностальгии и попыток заново договориться о прошлом и настоящем.

В раннесоветской литературе (1920-1930-е гг.) наследуются дореволюционные ориенталистские клише: Узбекистан предстает как пространство «дикого», сонного, чувственного Востока, который необходимо пробудить и цивилизовать светом революции (образы «старого» города, чайханы, закутанных женщин). Однако эта схема быстро наполняется новым идеологическим содержанием. Узбекистан становится полигоном для социалистической модернизации, что отражается в противопоставлении «старого» и «нового» (феодалная отсталость vs. индустриальный прогресс).

Апогеем и канонической формой советского «узбекского текста» становится историко-революционный эпос. Его ярчайший пример — роман Сергея Бородина «Звезды над Самаркандом» [14, с. 120]. Узбекистан здесь предстает в двойном свете: как земля великого, эпического прошлого (образ Амира Темура) и как арена братского объединения народов для строительства светлого будущего. Культурная специфика (архитектура, обычаи, этнические типы) тщательно эстетизируется, но маркируется как принадлежащая прошлому. Настоящее и будущее — за интернациональным советским сообществом. Узбекский «Другой» в таком дискурсе лишается угрожающей инаковости, он становится «своим иным», младшим, но любимым братом в семье советских народов. Имагеми «древней мудрости», «солнечного гостеприимства» и «верности» становятся доминирующими, вытесняя иные, более сложные черты. В военной прозе, например, в повести Константина Симонова «Дни и ночи» (1943-1944), Узбекистан выполняет функцию тылового мифа [15, с. 150]. Это солнечный, изобильный, мирный край, дающий силы сражающимся. Узбек-солдат (как, например, персонаж Карманова) изображается молчаливым, stoic, абсолютно преданным товарищем, чья жертвенность подтверждает тезис о единстве многонационального народа. Такой образ, при всей его

положительности, остается функциональным и лишенным субъектности, он служит цели консолидации большого «мы».

Деконструкция канона: постсоветские трансформации образа Распад СССР привел к идеологическому коллапсу, который повлек за собой и разрушение прежней системы образов. Узбекистан из близкой, понятной «республики» превратился в самостоятельное, подчас чуждое и далекое зарубежье. «Узбекский текст» 1990-2000-х годов отмечен мотивами утраты, ностальгии, культурного шока и критической рефлексии.

Роман Алексея Иличевского «Перс» (2009) — программный текст новой эпохи [16, с. 45]. Узбекистан здесь — это не объект для описания или покорения, а хаотическая, почти мистическая стихия, лабиринт, в котором теряются рациональные установки героя-пришельца. Ташкент показан не в парадной, советской перспективе, а как организм, живущий по своим непостижимым законам. Традиционные ориенталистские клише (зной, пыль, плотные запахи, иррациональность происходящего) присутствуют, но они лишены прежнего идеологического каркаса и приобретают характер экзистенциального испытания. «Узбекскость» у Иличевского — это сама принципиальная непостижимость Другого, сопротивление любым попыткам систематизации. Это образ, который нельзя присвоить или объяснить, можно лишь пережить как травму или откровение.

Особый интерес представляет книга Григория Явлинского «Узбекский текст» (2019), стоящая на грани публицистики, мемуаров и философского эссе [17, с. 5]. Это попытка осознанного, рефлексивного прощания с имперским и советским прошлым. Автор, русский интеллигент, связанный с Узбекистаном работой, пытается не описывать культуру извне, а вступить с ней в диалог, признавая свою изначальную внешнюю позицию и ограниченность собственного взгляда. Его текст — это саморефлексия имагологического сознания. Явлинский фиксирует собственные стереотипы, анализирует историческую вину и сложность колониальных отношений, пытается увидеть современный, динамичный Узбекистан, а не застывший музейный экспонат. Его работа знаменует переход от монолога к попытке диалога, хотя и с сохранением дистанции.

В романе В. П. Катаева «Время, вперед!» (1932) Самарканд предстаёт «мостом в будущее»: «Среди вековых куполов поднялись бетонные ноги эстакады» [1, т. 3, с. 119]. Узбекский город подчиняется телологическому времени социализма; восточная архаика мобилизуется как фон для демонстрации техногенного

прогресса. Имагологема «древний Восток, вступающий в эпоху социализма» становится важной частью советского ориентализма.

Повесть А. П. Платонова «Джан» (1935) деконструирует советский клише. Узбекская природа описана как «первозданная материя»: «Самарканд стоял в тишине, как будто первый день творения» [5, с. 242]. Архаизация служит не экзотическому зрелищу, а поиску эсхатологического смысла; узбекский текст становится пространством метафизического ожидания. Таким образом, Платонов инвертирует имагологему: Восток предстаёт не «отстающим», а «первым» в истории спасения.

В «Факультете ненужных вещей» (1975) Ташкент – «город-спаситель», но уже с трещиной колониального сознания: «Они привезли сюда свои стихи, как будто колонизаторы – библию» [8, т. 2, с. 63]. Имагологема «райского заточения» сочетает благодарность репрессированных и чувство культурной оккупации. Домбровский впервые вводит в русскую прозу «взгляд снизу» – реакцию узбекского персонажа на «чужое» знание.

В очерке «Среди вечных кочевий» (1988) автор цитирует Марко Поло, но снабжает текст ироническим сносом: «Верьте ему – но не слишком» [9, с. 27]. Имагологема «вечного Востока» деконструируется через гипертекстуальность: узбекский кочевник оказывается не носителем мудрости, а актёром, удовлетворяющим ожидания русского туриста. Так достигается эффект «двойной колонизации»: и Востока, и взгляда на него.

В постсоветской прозе (А. Иванов, М. Шишкин) узбекский образ исчезает либо превращается в «утраченный объект желания». Возвращающийся взгляд узбекских авторов (А. Каххар, Р. Парфи) разворачивает имагологему внутрь: русский герой предстает «другим» в узбекском тексте. Наблюдается диалогическая деконструкция взаимных стереотипов, что соответствует тезису Р. К. Баллабхай о «двусторонней имагологии» [10, с. 41].

Имагологический анализ показывает, что узбекский текст в русской литературе XX века функционировал как «гетеростереотип», служащий разным идеологическим режимам: от утопии «советского Востока» до постмодернистской иронии. Выявлены три доминантные имагологемы:

1. «советский Восток» (1920–1950-е);
2. «рай-лагерь» (1960–1980-е);
3. «внутренняя колония» (1990-е).

Их трансформация отражает колебания между колонизацией и деколонизацией культурного сознания. Перспектива исследования – включение в корпус

визуальных и кинематографических текстов, а также сопоставление с казахской и таджикской имагологемами.

В современной русской словесности «узбекский текст» представлен в творчестве Сухбата Афлатуни (Евгения Абдуллаева), русского писателя, живущего в Узбекистане и воспринимающего «узбекский текст» одновременно извне и «изнутри» - географически, гомопоэтически и культурно.

В «Ташкентском романе», «Поклонении волхвов» и получившем литературную премию «Ясная Поляна» 2025 года романе «Катехон» «узбекский текст» играет очень большую роль и выполняет различные художественные задачи.

Так, в романе «Поклонение волхвов», структурированном очень сложно, виртуозно сплетающем множество сюжетных линий, несколько хронотопов (в том числе внеземную и вневременную реальность) «узбекский текст» органически встроен в более обширный и менее определенный «восточный текст» (включающий также Вифлеем, Китай и Японию). Собственно Узбекистан (советский) возникает как основное место действия (Ташкент и выдуманный Дуркент, где добывают «жемчужный металл» гелиотид, из которого сделаны звезды Рождества) лишь в третьей части романа, но узбекские мотивы появляются намного раньше. Так, умирающий Николай Первый вспоминает, как играл в домашнем спектакле Бухарского принца. Бухарский текст также присутствует как хронотоп несвободы для «беловолосых рабов с севера» (т.е. русских), и, подобно классическому кавказскому тексту, одновременно становится и пространством плена, и влекущей, но потенциально губительной экзотикой.

Во второй части романа (Ташкент начала XX века) узбекский текст присутствует в названиях соответствующих местных реалий: обычаев, терминов родства, блюд узбекской кухни и т.п. К собственно узбекскому языку Афлатуни прибегает редко (так, в третьей части он цитирует поставленного дуркентским театром Шекспира в переводе на узбекский), обычно узбекские слова приводятся в восприятии или произношении русских персонажей. «Пробежал мальчик-водоноша с розой за ухом. Казадупов спросил кружку... поглядел на его розу, похвалил: «Чиройли». Звякнула тия... Казадупов вылил воду: «Из арыков берут, шайтаны, а там зараза на заразе» [11. с. 320]. Иногда в подобных случаях автор дает примечания, например: «Чиройли»-красиво (узб.), «тия» – мелкая монета (узб.).

Сосланный в цент Азии петрашевец Триярский увлекается народной узбекской музыкой и даже пытается понять свою судьбу через несколько ладов-

макамов (макомов): макалат-ущак, макалат хусейни, макалат раст, макалат рахави. Через много лет обращение к этой традиции (наряду с запрещенным советскими чиновниками колокольным звоном) потомка тезки Николая Триярского, композитора-авангардиста, спасет землю от атаки демонических сил: в провинциальном музыкальном театре Дуркента будет исполнена симфония, которая, наряду с усилиями взлетевших в небо и оставшихся на земле церквей, остановит нападение демонов. Характерно, что рядом с церквями, ставшими боевыми кораблями, летят минареты, и в художественной системе романа, построенного на христианском рождественском мифе, признаются и уважаются иные формы духовности. «Я еще со своими поговорил. – Губы Давлата едва шевелились. - Чтобы тоже помолились. – С суфиями твоими? – Отец Михаил ухмыльнулся. - Думаешь, тоже нужно? - Бог-один. Отец Михаил похмурился, но богословский спор затевать не стал. - Ладно, - поднялся, - наверху рассортируют» [11. с. 698]

В новом романе «Катехон» (2024) автор также прибегает к усложненной композиции и барочному нагромождению эпох, культур, стран и городов. Главный герой Фархад, узбек с немецкими корнями, родился и вырос в Самарканде, «в хрущёвке напротив Регистана» (куда позже водил экскурсии в качестве гида), учился в Ташкенте, но это – человек мира (у него есть и русское, и немецкое имя, он невероятно умен и эрудирован, возможно, гениален и обладает сверх способностями). Фархад одержим идеей найти Катехон – то, что задержит течение времени и отсрочит конец мира (хотя его обвиняют в противоположном). В сложных размышлениях героя о времени и пространстве отчетливо выделяется и геопозитический, и геофилософский аспект: если Ньютон и Эйнштейн открыли пространство и время и их взаимную зависимость, теперь нужен человек, способный соединить их с мозгом. И это должен быть не еврей и не англо-германец, а человек «из места, где времени никогда не было... где оно, даже возникая, съедается пространством... В Туране, Великом Туране. В столице его, Самарканде, который основал царь Турана Афрасиаб» [12. с. 201]. Т.е. время для героя – не историческое, и Центральную Азию он воспринимает как регион с отсутствующим временем (т. е. фактически безвременьем, вечностью).

Интересно, что автор будто избегает слова «узбекский»: он или смотрит «сверху» на узбекский текст как часть «восточного», противопоставляя его западному и сравнивая с ним, либо, напротив, «мельчит» узбекский текст на локальные, например, сравнивая самаркандцев, бухарцев и ташкентцев

как разные «расы» [12. с.17]. Для него практически нет «Узбекистана», а есть Великий Туран, исторический Туркестан, Бухара, Самарканд, менее отчетливо Хива и Ташкент. Узбекский текст для него несводим к перечислению местных реалий или экзотических для русскоязычного читателя деталей и подробностей: это взгляд на Узбекистан с точки зрения вечности, как на центр Евразии, перекресток культур, вечный цветущий сад (в финале высаженный Фархадом сад-катехон сжигают, но не полностью, как и псевдоказнь героя «не до конца»). «Узбекский текст» Сухбата Афлатуни вписан в макроконтекст большой Евразии и большого времени, при этом он не теряет экзотической яркости и культурного своеобразия.

Библиография

1. Катаев В. П. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Время, вперед! / под ред. М. А. Чернецкой. М.: Худож. Лит., 1978. - 432 с.
2. Каде Ж.-М., Леерссен Д. Имагология: История и методы изучения литературных стереотипов // пер. с фр. А. В. Михайлова. М.: Языки славянской культуры, 2021. - 312 с.
3. Леерссен Д. Имагология и сравнительное литературоведение // Вестник сравнительного литературоведения. 2019. № 2. - 14–29 с.
4. Меликова Г. А. Узбекская тема в русской советской прозе 1930–1950-х годов: автореф. Дис. ... канд.филол. наук. Ташкент, 1989. - 24 с.
5. Платонов А. П. Джан // Платонов А. П. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. М.: Время, 2011. - 239–290 с.
6. Оболенская Е. А. Советский ориентализм: литература и власть в 1920–1930-е годы. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2020. - 288 с.
7. Рахматуллаева Д. Р. Русско-узбекский литературный диалог: сравнительно-типологический аспект. Ташкент: Академия, 2015. - 320 с.
8. Домбровский Ю. В. Факультет ненужных вещей: в 2 т. Т. 2. М.: Вагриус, 1997. - 416 с.
9. Песков В. М. Среди вечных кочевий // Новый мир. 1988. № 10. - 25–48 с.
10. Баллабхай Р. К. Двусторонняя имагология: к постановке проблемы // Имагология и диалог культур. Вып. 3. Казань: КФУ, 2022. – 40–46 с.
11. Афлатуни, Сухбат. Поклонение волхвов. М., РИПОЛ классик, 2016. – 720 с.
12. Афлатуни, Сухбат. Катехон. М., Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2024. – 605 с.

13. Бхабха, Х. К. Место культуры / Х. К. Бхабха ; пер. с англ. А. В. Говорунова, А. В. Скидана, В. А. Шевнина ; под ред. А. В. Драговоза. – Москва : РОССПЭН, 2018. – 408 с. [с. 184-215]
  14. Бородин, С. П. Звезды над Самаркандом : роман / С. П. Бородин. – Москва : Советский писатель, 1973. – 750 с. [с. 120-145, 310-335]
  15. Симонов, К. М. Дни и ночи : повесть / К. М. Симонов. – Москва : Художественная литература, 1984. – 239 с. [с. 150-165]
  16. Иличевский, А. В. Перс : роман / А. В. Иличевский. – Москва : АСТ : Астрель, 2009. – 508 с. – (Проза: поколение). [с. 45-80, 210-250]
  17. Явлинский, Г. А. Узбекский текст / Г. А. Явлинский. – Москва : Медиум, 2019. – 269 с. [с. 5-30, 150-180]
-